

Е. В. Рябцева*

Взаимосвязь международно-правовых и национальных норм в российском уголовном судопроизводстве

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия международно-правовых и российских уголовно-процессуальных норм по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и действующему законодательству. В Уставе были заложены основы реализации международных норм в сфере уголовного судопроизводства. В Российской империи действовал принцип приоритета норм национального закона над нормами международного права. В современном УПК РФ действует обратный принцип приоритета норм международного права над национальным законом, что вызывает определенные сложности в правоприменительной практике. Прежде всего это связано с тем, что, в отличие от Устава уголовного судопроизводства, где применялись только международные договоры с иностранными державами, в современном уголовном судопроизводстве достаточно широк перечень международных правовых принципов, норм и договоров, которые должны применяться. В статье приводятся примеры существенного, но неоднозначного влияния международно-правовых норм на национальную правовую систему. Автором делается вывод о необходимости создания определенного механизма, позволяющего избегать и устранять коллизионные ситуации, создавать условия реализации норм международного права в национальных правоотношениях.

Ключевые слова: международные договоры, конституционный контроль, коллизия норм, практика ЕСПЧ, Устав уголовного судопроизводства, интеграция, правовой механизм, решения Верховного Суда, применение норм, исполнение решений ЕСПЧ.

DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.070-078

Процесс интеграции России в мировое сообщество, эффективное взаимодействие с другими государствами невозможны без правовой основы. Международные договоры как раз и образуют ту правовую основу межгосударственных отношений, являются средством поддержания всеобщего мира и безопасности, развития международного сотрудничества в области защиты прав и законных интересов граждан.

В УПК РФ предусмотрены основы взаимодействия международного и российского уголовного процессуального права, закреплены правила применения норм иностранного права и производства по делам с участием иностран-

ных лиц. В части 3 ст. 1 УПК РФ закреплено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Кодексом, то применяются правила международного договора». Смысл указанной правовой нормы состоит в признании возможности прямого действия международных договоров в уголовно-процессуальной сфере, непосредственного применения договорных положений

© Рябцева Е. В., 2016

* Рябцева Екатерина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия [rev020680@mail.ru]

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69а

для регулирования уголовно-процессуальных отношений в том случае, если международным договором установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены российским уголовно-процессуальным законом. Правоохранительные и судебные органы в своей деятельности связаны не только национальным правом, но и международными договорами, участники уголовного процесса могут опираться на сами договорные положения для защиты своих прав в национальном суде, который при рассмотрении конкретного дела не вправе применять нормы любого акта текущего законодательства, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные таким актом, а обязан применить правила международного договора¹.

В УПК РФ закреплен также порядок взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями (раздел XVIII УПК РФ). Международное сотрудничество осуществляется в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности (ч. 1 ст. 453 УПК РФ).

Возможность применения международно-правовых норм в сфере уголовного судопроизводства была предусмотрена еще в законах Российской империи, прежде всего в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Действие в уголовном судопроизводстве международно-правовых норм по Уставу уголовного судопроизводства носило ограниченный характер. Их применение было возможно только в отношении иностранных граждан и только в определенных случаях (ст. 216, 228, 229, 230 Устава):

1. Ограничение по предмету применения международных норм, а именно при решении вопроса о подсудности. Иностранцы по преступлениям и проступкам, совершенным ими в России, подчиняются общим пра-

вилам о подсудности, если не постановлено изъятие из сих правил в трактате с той иностранной державой, в подданстве которой обвиняемые состоят (ст. 228 Устава).

2. Ограничение по субъектам, в отношении которых распространялись международные нормы права.

2.1. Дела о преступлениях или проступках лиц, находящихся в услужении послов, посланников и других дипломатических агентов, подлежат уголовному суду на общем основании, если в отношении к ним не сделано никаких изъятий в трактатах с иностранными державами (ст. 230 Устава).

2.2. Специально в Уставе были закреплены правила применения международных норм для жителей Царства Польского и Великого княжества Финляндского. В силу особого правового статуса Царства Польского и Великого княжества Финляндского Устав уголовного судопроизводства 1864 г. закреплял, что дело о преступлениях или проступках, совершенных в империи жителями Царства Польского и Великого княжества Финляндского или в сих краях жителями империи, производится там, где совершено преступное деяние, и приговор постановляется по законам того края, где решено дело, но при этом судебные установления принимают в соображение права и преимущества, коими подсудимые пользуются в своем крае (ст. 216 Устава)².

2.3. В дальнейшем в Уставе получили закрепление международно-правовые нормы, касающиеся экстрадиции. Она законодательно была закреплена в качестве отдельной главы «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», которая содержала 25 статей. Специфика данных норм заключалась в том, что они одновременно были включены в Устав и составляли отдельный Закон Российской империи 1911 г. «О выдаче преступников по требованиям

¹ Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. М., 2011.

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 24 марта 2014 г.).

иностранных государств» в Своде законов Российской империи, поэтому получили соответственно двойную нумерацию (от ст. 852/1 до ст. 852/25). Данные нормы полностью соответствовали не только всей экстрадиционной практике, существовавшей в мире в XIX в., но и такой же практике наших дней³.

В XVIII в. и первой половине XIX в. Россия заключила пять договоров и практически во всех речь шла о выдаче дезертиров: два — с Австрией, два — с Пруссией и один с Саксонией, последние по времени были заключены в 1815 г. — с Австрией, в 1816 г. — с Пруссией, в 1834 г. — с Австрией и Пруссией. Следующий договор Россией был подписан в 1866 г. с Данией. К. С. Родионов подчеркивает, что во второй половине XIX в. «Россия довольно быстро смогла ликвидировать отставание от европейского процесса развития экстрадиции. Сделать это ей удалось путем заключения договоров практически со всеми странами Западной Европы, кроме Франции, дипломатия которой практически до конца XIX в. отметала всякую возможность заключения с Россией каких-либо договоров. С 1866 г. до принятия Закона 1911 г., т.е. за 45 лет, Россией было заключено 24 договора о выдаче с 17 странами»⁴.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уже в Уставе были заложены основы реализации международных норм в сфере уголовного судопроизводства. Однако в силу особенностей политического и экономического развития Российской империи, а также проводимой внешней политики действие международно-правовых норм было ограничено определенными пределами:

Устав уголовного судопроизводства предусматривал только возможность применения международно-правовых норм, содержащихся в трактатах с иностранными державами.

Приоритет международно-правовых норм был ограничен рамками вопросов о подсудности и применялся только в отношении иностранных граждан.

В настоящее время вопрос о реализации норм международного права стоит достаточно остро. Процесс интеграции России в мировое сообщество, ее утверждение как равноправного участника в системе международных отношений невозможны без соответствующей правовой регламентации. Международные нормы и принципы должны согласовываться с национальным законодательством, быть единой органической системой, направленной на защиту прав, свобод и законных интересов личности. Поэтому современная российская правовая система включает в себя нормы и принципы международного права.

В отличие от Устава уголовного судопроизводства, УПК РФ предусматривает более широкую сферу действия международно-правовых норм. Это связано прежде всего с тем, что нормы международного права, применяемые в сфере уголовного судопроизводства, находят свое закрепление не только в международных договорах, но и в иных международно-правовых актах и практике Европейского Суда по правам человека.

Непосредственное применение судами общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел возможно в формах:

- 1) приоритетного применения норм международного договора вместо норм национального законодательства, когда национальный закон или другой нормативный акт противоречит этим нормам;
- 2) совместного применения — когда национальное законодательство и международные нормы дополняют друг друга;
- 3) самостоятельного применения — когда этими нормами восполняется пробел в национальном законодательстве⁵.

Исходя из законодательной формулировки Устава уголовного судопроизводства, нормы международного права применялись только совместно с национальным законодательством: «...суду на общем основании, если в от-

³ Марченко А.В. Проблемы развития и становления института выдачи (экстрадиции) в России: историко-правовой аспект // Российская юстиция. 2010. № 6.

⁴ Родионов К.С. Закон Российской империи 1911 г. Об экстрадиции // Государство и право. 2003. № 7. С. 81.

⁵ Карташов В. Н. О сущности и некоторых видах общепризнанных принципов международного права // Международное публичное и частное право. 2010. № 1. С. 18–20.

ношении к ним не сделано никаких изъятий в трактатах с иностранными державами...; судебные установления принимают в соображение права и преимущества, коими подсудимые пользуются в своем крае». Таким образом, в Российской империи действовал принцип приоритета норм национального закона над нормами международного права.

В современном УПК РФ действует обратный принцип приоритета норм международного права над национальным законом, что вызывает определенные сложности в правоприменительной практике. Прежде всего это связано с тем, что, в отличие от Устава уголовного судопроизводства, где применялись только международные договоры с иностранными державами, в современном уголовном судопроизводстве перечень международных правовых принципов, норм и договоров, которые должны применяться, достаточно широк:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколы к ней.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года.
5. Иные международные пакты, конвенции и иные документы, в том числе международные договоры Российской Федерации.
6. Практика Европейского Суда по правам человека, включающая в себя:
 - правовые позиции Европейского Суда, которые содержатся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации (п. 3 постановления);
 - правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств — участников Конвенции (если обстоятельства

рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшими предметом анализа и выводов Европейского Суда (п. 3 постановления))⁶.

7. Иная последующая практика применения международного договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.
8. Любые соответствующие нормы международного договора, применяемые в отношениях между участниками.
9. Рекомендации Комитета Совета Европы.
10. Документы Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений. Как правило, это международные декларации ООН, которые содержат общепризнанные международные принципы и права.

Такой массив международных документов, являясь частью российского законодательства, вносит определенные сложности в системное толкование и применение правовых норм.

Европейская конвенция представляет собой «живой инструмент», следовательно, подлежит динамическому (эволюционному) толкованию с точки зрения эффективности реализации права. Конвенция гарантирует не теоретически возможные и иллюзорные права, а практически доступные и эффективные, именно поэтому содержание прав невозможно выяснить без обращения к решениям и постановлениям Европейского Суда, который при рассмотрении конкретных жалоб решает вопрос о том, нарушило ли государство то или иное право заявителя или не нарушило. При этом следует иметь в виду, что практика Европейского Суда зачастую носит противоречивый характер. Более того, возможно возникновение юридических коллизий, когда правовые акты Европейского Суда противоречат национальному законодательству.

Для разрешения данной проблемы в июле 2015 г. Конституционный Суд РФ подтвердил безусловный приоритет российской Конститу-

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 6121. 05.07.2013.

ции над постановлениями Европейского Суда, несмотря на коллизионный характер конституционных норм. Конституционный Суд РФ решил, что на территории страны будут исполняться только те решения Европейского Суда, которые не противоречат Конституции РФ.

Россия последует общему европейскому правилу, согласно которому «решения Европейского Суда лишь принимаются во внимание». Также РФ может в порядке исключения отступить от исполнения возложенных на нее обязательств, если смысл постановления Европейского Суда разойдется с принципом невмешательства в суверенитет государства, считают в Конституционном Суде.

Конституционный Суд признал ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ, п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ, п. 1 и 2 ст. 32 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» не противоречащими Основному Закону, поскольку на их основании обеспечивается применение международных договоров РФ как составной части ее правовой системы. В свою очередь, суды могут пересмотреть дело в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в РФ этих прав и свобод. Если суд придет к выводу, что вопрос о применении соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, то он направляет в Конституционный Суд запрос о проверке конституционности этого закона. При этом на время проверки суд обязан приостановить производство по делу. То же касается и госорганов, на которые возложена обязанность исполнять решение Европейского Суда: если они придут к выводу о невозможности исполнить постановление Европейского Суда из-за того, что в обязывающей Россию части оно расходится с нормами Конституции, то они правомочны обратиться в Конституционный Суд с аналогичным запросом.

В случае если Конституционный Суд придет к выводу, что постановление Европейского Суда противоречит Основному Закону РФ, — оно не подлежит исполнению.

Таким образом, Конституционный Суд решил вопрос в пользу возможности поиска компромисса при принятии общего решения. Но определение границы компромисса Конституционный Суд оставил за собой⁷.

Для того чтобы оценить сложившуюся ситуацию, необходимо прежде всего проанализировать причины возникновения данных коллизий. Представляется, что такие коллизии коренятся в контрастных различиях правовых взглядов и позиций Европейского Суда и Конституционного Суда РФ в интерпретации положений Конвенции и Протоколов к ней. Европейский Суд исходит из концепции автономных понятий, согласно которой определение понятий, содержащихся в Конвенции, не зависит от определений, даваемых национальным законодательством. Однако критерии (тесты) проверки вмешательства в национальные права включают тест «предусмотрено законом», который закрепляет, что регулирование нормативного содержания конвенционных прав должно осуществляться по общему правилу внутригосударственным актом парламента (законом) или на основании закона (вторичное регулирование) правом. При этом «...внутреннее законодательство должно соответствовать Конвенции, включая общие принципы, выраженные или подразумеваемые в ней. В основе обсуждаемой формулы лежат понятия справедливой и надлежащей процедуры, т.е. идея в том, что любая мера, лишаящая человека свободы, должна исходить от соответствующего органа, осуществляться им и не быть произвольной» (п. 45 постановления Европейского Суда по правам человека от 24.10.1979 «Винтерверп против Нидерландов»). Таким образом, соответствие между нормами Конвенции и национальным законодательством определяется посредством общих, основополагающих норм и принципов и не касается отдельных материальных и процессуальных особенностей национального законодательства. «...Обычно

⁷ Конституционный Суд РФ оставил Россию в юрисдикции ЕСПЧ // URL: http://pravo.ru/court_report/view/120270/.

Суд не должен проверять, соблюдено ли национальными органами власти внутреннее право <...>, иначе происходит в случаях, когда Конвенция прямо отсылает к этому законодательству; в таких делах неверная оценка внутреннего законодательства может привести к нарушению Конвенции, а потому Суд может и должен осуществлять определенный надзор» (постановление ЕСПЧ от 18.12.1986 «Бочано против Франции»)⁸. Получается, что по общему правилу Европейский Суд не должен вмешиваться в национальное законодательство, оценивая национальные нормы права, за исключением некоторых случаев, прямо указанных в Конвенции.

Ставя общую задачу строго соблюдать права человека, государства стремятся достичь единой цели — обеспечить прогрессивное переустройство международных отношений, что отвечало бы коренным интересам человечества. При достижении поставленной цели недопустимы любые формы давления на государства и тем более вторжение в сферу национального суверенитета. Фактически указание государству-ответчику на необходимость изменения в законодательстве можно расценивать как нарушение суверенитета государства, тем более что это выходит за рамки компетенции Европейского Суда, установленные Конвенцией. Европейский Суд дает слишком произвольное толкование положений Конвенции, тем самым вторгается в сферу национальных интересов государства.

В литературе отмечалось, что многие государства выражали свою приверженность к естественным правам человека и на этой основе участвовали в выработке и ратификации принятых соглашений. Но, как только дело доходило до спецификации общепризнанных прав и конкретизации норм в целях их реального воплощения на национальном уровне, появлялись проблемы с доведением этих норм до практики национально-правовой жизни⁹.

Однако следует иметь в виду, что решения Европейского Суда не только создают коллизии прецеденты, но и способствуют положительным тенденциям развития национального законодательства. Постановления Европейского Суда, являясь отражением наиболее общих цивилизованных ценностей, фактически оказывают влияние на формирование российской национальной правовой системы в целом.

В качестве позитивного воздействия постановлений Европейского Суда на правоприменительную практику можно привести уголовное дело по обвинению матроса В. Ю. Шорина. Органами предварительного расследования матрос В. Шорин был обвинен в совершении воинского преступления. Рассматривая указанное уголовное дело в кассационном порядке, Балтийский флотский военный суд установил, что 27 октября 2010 года обвиняемый Шорин, как предусмотрено ч. 5 ст. 188 Уголовно-процессуального кодекса РФ, был вызван через командование воинской части в военный следственный отдел, куда прибыл в 15-м часу, а был отпущен из указанного отдела лишь через 10 часов, 28 октября 2010 года в 00 часов 30 минут. Из представленных материалов следовало, что в указанный день с обвиняемым Шориным следственные действия проводились всего лишь 3 часа: с 15 часов 45 минут до 16 часов 33 минут, с 17 часов 10 минут до 17 часов 13 минут, с 17 часов 20 минут до 19 часов 32 минут. В течение десятичасового нахождения обвиняемого Шорина в военном следственном отделе, значительная часть которого вообще не вызывалась необходимостью, а по существу являлась незаконной, Шорин был ограничен в свободе передвижения, лишен обеда и ужина, т.е. пищи, полагающейся ему в соответствующее время как военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, ограничен в ночном отдыхе, предусмотренном распорядком дня воинской части. Исходя из вышеизложенных обстоятельств, суд касса-

⁸ Должиков А. В. Судейские тесты в практике Европейского Суда по правам человека и аргументация жалобы (теоретико-практическое занятие) // Материалы тренинга для адвокатов «Обращение в Европейский Суд по правам человека с жалобой и дальнейшее ведение дела» 30 ноября — 1 декабря 2013 года, С.-Петербург.

⁹ Шугуров М. В. Правовой идеализм и правовой реализм в современной международно-правовой политике в области прав человека // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 4 (56). С. 19–28.

ционной инстанции в частном определении пришел к выводу, что «в соответствии с многочисленными решениями Европейского Суда по правам человека, которые в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации, действия, аналогичные тем, что были совершены в отношении Шорина, признаются нарушающими права и свободы человека и гражданина, не соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права и вышеуказанным требованиям Конституции Российской Федерации и позициям, изложенным в постановлениях Европейского Суда по правам человека от 01.04.2010 “Клейн против Российской Федерации”, от 29.04.2010 “Христофоров против Российской Федерации”, от 20.05.2010 “Владимир Козлов против Российской Федерации”» (частное определение Балтийского флотского военного суда от 21 декабря 2010 года по уголовному делу В. Ю. Шорина).

Таким образом, можно наблюдать, что практика Европейского Суда оказывает существенное, но неоднозначное влияние на национальную правовую систему, и, безусловно, требуется определенный механизм, позволяющий избегать и устранять коллизионные ситуации. Разрешение коллизии — это не одномоментный акт, это длящийся процесс, включающий анализ и оценку позиций Европейского Суда и национального законодательства.

Необходима разработка правового механизма, позволяющего создать условия реализации норм международного права в национальных правоотношениях. Такой механизм должен быть направлен:

- на установление причин возникновения коллизий между практикой Европейского Суда и нормами национального законодательства, а также выявление и пресечение возникновения подобных коллизий. Требуется концептуальный подход, который бы позволил прежде всего предусмотреть меры, направленные на профилактику возникновения коллизий. Для этого необходим детальный анализ позиций Европейского Суда, проводимый как в правовом русле,

так и в русле, выходящем за его пределы, — в контексте политической, экономической, социальной ситуации государства;

- устранение коллизий между международными и национальными нормами. Следует разрабатывать процедуру проверки соответствия международных норм с помощью определенных правовых средств, а также механизм устранения данных противоречий. Такой механизм должен применяться при невозможности выполнения постановления Европейского Суда в случаях ошибочного толкования положений Конвенции, который должен включать возможные отступления от указанного принципа. Случаи, когда Российская Федерация вправе не выполнять решения Европейского Суда, должны быть четко регламентированы действующим законодательством.

Содержание такого механизма может включать следующие положения:

Правовая регламентация порядка установления коллизий и способы их устранения. Это может быть издание отдельного нормативного акта или внесение дополнений и изменений в уже действующие нормы.

Законодательное закрепление полномочий органа, который будет иметь право на установление и устранение коллизий между международными и национальными нормами.

В основе механизма устранения коллизий между нормами национального закона и международными актами должен быть принцип пропорциональности (соразмерности), позволяющий оценить степень неблагоприятных последствий, которые могут наступить, если приоритет будет отдаваться международным нормам, противоречащим нормам российского права.

Правовая возможность неисполнения решений Европейского Суда полностью соответствует правилам взаимодействия международных организаций и национальных органов власти¹⁰.

Закрепление в государственно-правовой форме возможности неисполнения решений Европейского Суда в случае, если исполнение такого решения ставит под угрозу национальные интересы, будет являться элементом по-

¹⁰ Осминин Б. И. Способы реализации международных договорных обязательств в национальных правовых системах // Юрист-международник. 2008. № 2.

рядка реализации норм международного права, определяющим границы международных договорных обязательств. Тем более что практика Европейского Суда является сама по себе достаточно противоречивой. Европейский Суд как высшая инстанция может отойти от преды-

дущего своего решения, если это вызвано необходимостью, если решение было «явно неверным и следование ему оказалось вредным для общества и государства». Европейский Суд может аннулировать ранее принятое постановление по «убежденным основаниям»¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека // Государство и право. — 2001. — № 12. — С. 6–7.
2. Гущина Н. А., Глухоедов М. С. Коллизии отдельных постановлений Европейского Суда по правам человека и актов Конституционного Суда Российской Федерации // Современное право. — 2013. — № 9.
3. Должиков А. В. Судейские тесты в практике Европейского Суда по правам человека и аргументация жалобы (теоретико-практическое занятие) // Материалы тренинга для адвокатов «Обращение в Европейский суд по правам человека с жалобой и дальнейшее ведение дела» 30 ноября — 1 декабря 2013 года, С.-Петербург.
4. Карташов В. Н. О сущности и некоторых видах общепризнанных принципов международного права // Международное публичное и частное право. — 2010. — № 1. — С. 18–20.
5. Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации. — М.: Норма, Инфра-М, 2011.
6. Марченко А. В. Проблемы развития и становления института выдачи (экстрадиции) в России: историко-правовой аспект // Российская юстиция. — 2010. — № 6.
7. Осминин Б. И. Способы реализации международных договорных обязательств в национальных правовых системах // Юрист-международник. — 2008. — № 2.
8. Родионов К. С. Закон Российской империи 1911 г. «Об экстрадиции» // Государство и право. — 2003. — № 7. — С. 81.
9. Современный словарь иностранных слов. — СПб., 1994. — С. 288–289.
10. Шугуров М. В. Правовой идеализм и правовой реализм в современной международно-правовой политике в области прав человека // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2007. — № 4 (56). — С. 19–28.

Материал поступил в редакцию 26 февраля 2014 г.

INTERCONNECTION OF INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW RULES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LAW

RJABTSEVA Ekaterina Vladimirovna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of Judiciary and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice.

[rev020680@mail.ru]

117418, Russia, Moscow, ul. Novocheremushkinskaya, d.69A

Review. The Article analyzes interconnections between international law and Russian national law concerning criminal procedure rules under the Charter of Criminal Proceedings 1864 and effective legislation. The Charter laid down the foundations for the implementation of international standards in the sphere of criminal justice. The principle of priority of national law over international law was implemented in the Russian Empire. The current Criminal Procedure Code contains the reverse principle of priority of international law over national law, which causes some difficulties in law enforcement. Primarily this takes place due to the fact that unlike the Charter that employed treaties with foreign powers only, the current criminal procedure contains a wide range of international

¹¹ Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском Суде по правам человека // Государство и право. 2001. № 12. С. 6–7.

legal principles, rules and treaties that should be applied. The Article provides examples demonstrating enormous but adverse impact of international law rules on the national legal system. The Author draws a conclusion that it is required to lay down a certain mechanism that allows to avoid and eliminate conflicts and to provide conditions to implement international law rules in national legal relations. Research methods: general methods of cognition (dialectical method); · general scientific methods (the comparative law method, the structural-functional method, the systematic method, the method of formal-logical research, the method of theoretical analysis and synthesis of different reference sources, the method of generalization of findings and materials, conclusions); · specific scientific methods (the method of comparative study, the historical method) and specific legal methods (the legalistic method, methods of comparative jurisprudence, law interpreting, generalization of judicial practice). The Author draws a comparison between the Charter of Criminal Proceedings 1864 and the current law concerning implementation of international law rules in the sphere of criminal proceedings. In order to avoid and eliminate conflicts arising in implementing international law rules in Russian criminal proceedings, the Author suggests that the legal mechanism should be developed that can make it possible to avoid and eliminate conflict situations and to provide conditions for implementing international law rules in national legal relations.

Keywords. *Treaties, constitutional review, conflict of laws, the ECtHR case law, The Charter of Criminal Proceedings, integration, legal mechanism, Supreme Court decisions, application of legal norms, enforcement of decisions of the ECtHR*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vil'dhaber L. Precedent v Evropejskom sude po pravam cheloveka // Gosudarstvo i pravo. — 2001. — № 12. — S. 6—7.
2. Gushchina N. A., Gluhoedov M. S. Kollizii otдел'nyh postanovlenij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka i aktov Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. — 2013. — № 9.
3. Dolzhikov A. V. Sudejskie testy v praktike Evropejskogo Suda po pravam cheloveka i argumentaciya zhaloby (teoretiko-prakticheskoe zanyatie) // Materialy treninga dlya advokatov «Obrashchenie v Evropejskij sud po pravam cheloveka s zhaloboj i dal'nejshee vedenie dela» 30 noyabrya — 1 dekabrya 2013 goda, S.-Peterburg.
4. Kartashov V. N. O sushchnosti i nekotoryh vidah obshchepriznannyh principov mezhdunarodnogo prava // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. — 2010. — № 1. — S. 18—20.
5. Marochkin S. YU. Dejstvie i realizaciya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii. — M. : Norma, Infra-M, 2011.
6. Marchenko A. V. Problemy razvitiya i stanovleniya instituta vydachi (ehkstradicii) v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt // Rossijskaya yusticiya. — 2010. — № 6.
7. Osminin B. I. Sposoby realizacii mezhdunarodnyh dogovornyh obyazatel'stv v nacional'nyh pravovyh sistemah // YUrist-mezhdunarodnik. — 2008. — № 2.
8. Rodionov K. S. Zakon Rossijskoj imperii 1911 g. «Ob ehkstradicii» // Gosudarstvo i pravo. — 2003. — № 7. — S. 81.
9. Sovremennyy slovar' inostrannyh slov. — SPb., 1994. — S. 288—289.
10. Hugurov M. V. Pravovoj idealizm i pravovoj realizm v sovremennoj mezhdunarodno-pravovoj politike v oblasti prav cheloveka // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. — 2007. — № 4 (56). — S. 19—28.